

Михаил Богатов*

ТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКЦИОННЫХ КУРСОВ: СТРАТЕГИИ МЫСЛИ В. БИБИХИНА**

Получено: 24.12.2020. Рецензировано: 15.02.2021. Принято: 25.02.2021.

Аннотация: Данная статья посвящена основным приемам мысли, которые применяет Владимир Бибихин для формирования предметного поля своих лекционных курсов. В центре внимания находятся четыре таких приема: совмещение смыслов повседневного языка (аристотелевский подход), столкновение крайних позиций (диалектика без синтеза), герменевтический круг, а также границы собирания текста (моменты молчания Бибихина). В самом начале статьи автор анализирует наиболее «традиционные» лекционные курсы Владимира Бибихина (такие как «Философия права» и «История современной философии»), демонстрируя их нестандартную композицию и тематизацию. Затем следует анализ заявленных приемов мысли на примере лекционных курсов «Энергия», «Лес», «Мир», «Собственность». Выявляемые приемы являются результатом практики «медленного чтения» лекций Бибихина. Основных приемов четыре: совмещение смыслов повседневного языка (1), столкновение крайних позиций (2), круговое, герменевтическое строение лекции (3), композиция основных блоков мысли в резких переходах, в молчании (4). Обращение к данным приемам призвано открыть обсуждение особенностей мысли Бибихина в современной философской дискуссии. В завершение статьи автор выдвигает гипотезу о назначении подобных приемов в мысли Бибихина. Исходя из этой гипотезы, Бибихин стремится приостановить желание зрителя «определиться», узнать знакомое в незнакомом. При этом Бибихин аккуратно проводит своего читателя и слушателя между, с одной стороны, деловитой суетой мышления и, с другой стороны, полным безразличием и незаинтересованностью. В качестве основного принципа для избегания этих крайностей выдвигается «априористический перфект» Хайдеггера, согласно которому все «всегда уже» случилось, а потому мысль вынуждена иметь дело с опозданием к событию мира.

Ключевые слова: Владимир Бибихин, лекционные курсы, приемы мысли, герменевтика, молчание, чтение.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-107-125.

Лекционные курсы составляют большую часть творческого наследия Владимира Бибихина. Их объём значительно превышает число специально собранных автором и опубликованных им сборников статей («Новый Ренессанс» и «Автор и событие»), а также те дневниковые

*Богатов Михаил Александрович, д. филос. н., профессор, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, m_bogatov@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2831-918X.

**© Богатов, М. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

записи, которые либо собраны в отдельную книгу («Лосев. Аверинцев»), либо публикуются в качестве приложения к лекционному курсу «Узнай себя». Если не считать рецензий, послесловий и энциклопедических статей, разбросанных во множестве изданий начиная с 1966 года, то собственно имя Владимира Биbihина как самостоятельного мыслителя так или иначе будет связано с его авторскими лекционными курсами.

У этих лекционных курсов имеется ряд особенностей. Во-первых, за редкими исключениями (а именно — курсов «История современной философии» и «Введение в философию права») они не совпадают по своим названиям ни с одним из общеобязательных курсов, входящих на момент их прочтения в какие-либо учебные планы философского факультета МГУ. Они все, таким образом, являются авторскими не только по подаче традиционного материала (что, так или иначе, происходит фактически с каждым преподавателем, имеющим значительный опыт работы), но и по своему предмету. Эти лекционные курсы не дают нам просто набор информации или данных по поводу чего-то существующего за пределами аудитории — они впервые тематизируют и формируют, создают свой предмет здесь и сейчас, в ходе своего развёртывания и озвучивания. Здесь, кстати, не являются исключениями упомянутые выше «История современной философии» и «Философия права», но к ним мы вернёмся ниже.

Во-вторых, насколько известно, Биbihин читал эти курсы вне расписания и поэтому они изначально не могли быть «полезны» студенту, ориентированному на прохождение промежуточной аттестации, то есть на получение зачёта или экзамена. Их посещение было добровольным делом, и, хотя в некоторых из них обозначены в конце вопросы к экзамену и зачёту, насколько можно судить, подобная «часть» курса не играла как для Биbihина, так и для его слушателей решающей роли. Перед нами, таким образом, по всем формальным параметрам вырисовывается следующий прецедент: мы имеем дело с необязательными, свободными лекционными курсами по небывалым до момента их чтения предметам. Дело усугубляется тем, что таких курсов было множество — и в конечном итоге перед тем, кто соберётся всерьёз исследовать творчество Владимира Биbihина в его полноте и всеохватности, встанет непростая задача: усмотреть в линии этих курсов единый настрой — начиная с параллельных весной 1989 года «Мира» и «Языка философии» и вплоть до осеннего семинара 2004 года «Хайдеггер 1936–1944 гг.». В наши ближайшие планы подобная задача не входит. Здесь мы хотели бы обратиться к некоторым особенностям мысли Биbihина, а именно к тому,

каким образом в означенных формальных условиях он тематизирует предмет своего курса, фактически создавая его в свое время на глазах слушателей, а ныне — перед взглядом читателей.

1. «СТАНДАРТНЫЕ» КУРСЫ: «ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ПРАВА»
И «ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ»

Начнем с двух курсов, которые по меньшей мере по своему названию претендуют на исключение из всего набора авторских курсов Бибихина; это — «Введение в философию права» и «История современной философии». Как было отмечено, обе дисциплины входят в различные стандартные курсы учебных планов (первая преимущественно у изучающих юриспруденцию, вторая — у философов). Однако, несмотря на эти обманчивые названия, во-первых, композиция и, во-вторых, само наполнение обоих этих лекционных курсов радикально отличается от применяемых повсеместно стандартов. «Философия права», к примеру, открывается с «Программы лекционного курса» (Бибахин, 2013: 8–20)¹, разбитой на пять разделов и состоящей из 60 коротких тезисов и вопросов. Сами эти тезисы по разным причинам чужды привычным учебниковым определениям как по ярко выражаемой авторской композиции², так и по провокативной составляющей, обрушивающей на неподготовленного посетителя курса тезисы, которые он вряд ли готов услышать³. Однако, переходя от «Программы» уже непосредственно к содержанию лекций («Общие положения»), после первых формально соответствующих стандартному курсу рубрик («Право, порядок, мораль», «Ближайшие реалии», «Государство-семья») мы сталкиваемся с предельно необычными: «Ревизор», «Фасад и изнанка», «Оправданность жизни». Предугадать заранее, зачем и как вообще появляются

¹Отметим, что данный проект Собрания сочинений не был авторизован обладателями авторских прав, а потому носит исключительно пиратский характер. В этом «собрании» был выпущен ещё один только том (Т. III) — «Новый Ренессанс». При этом издание «Введения в философию права» здесь представлено в наиболее полном виде.

²Рубрики следуют в непривычном порядке, охватывая все возможные связки: «право и x », где под x последовательно выступают «дисциплина», «норма», «неправо», «порядок», «сила», «мораль», «религия», «государство», «принуждение», «закон»; исключение из формулы «право и x » составляют перемежающиеся с означенными выше рубрики: «естественное право», «писаное и неписаное право», «монополия на насилие», «законодательные процедуры», «презумпция невиновности», «субъект права», «вменяемость» и «близость к событию». Обратим особое внимание на эту последнюю рубрику.

³Например, пункт 57: «Критика современного состояния общества у Руссо. Хотя в античности существовало рабство, но по крайней мере некоторые люди были свободными. Современная отмена рабства привела к тому, что несвободны все» (Бибахин, 2013: 20).

такие рубрики в курсе «Введение в философию права», невозможно. По цитатам этот первый раздел даёт нам вроде бы стандартный набор источников (как обычно и требуется): «Юридический энциклопедический словарь», «Право: определения и понятия» С. А. Емельянова, Конституцию РФ, гегелевское «Введение в философию права» и др. Помимо этого — лекции по античной философии М. К. Мамардашвили, статью Михаила Маяцкого, иностранную литературу. Но если мы поднимем глаза от сносок к тому бибихинскому контексту, в который они помещаются, то нас встретит новая неожиданность: наиболее стандартные ссылки для подобного курса приводятся чаще всего лишь затем, чтобы указать на их некоторую невразумительность, непродуманность и необоснованность⁴. Как правило, подобной критике подвергается сам способ тех или иных авторов не замечать сложность своего предмета, проходить мимо главного в нём, торопиться с пониманием ради скорого перехода ко всевозможным учебниковым классификациям и схемам. Основная задача Биbihина здесь — задержаться на той вещи, рассмотрению которой и рассуждению о которой будет посвящён курс. Подобная остановка на предмете философии права уводит нас в сторону

⁴Подобным же образом в пункте 32 «Программы курса» говорится: «*Основные понятия* собственности, договора, преступления в римском праве были оставлены без определения как всем понятные, чтобы избежать их злостного перетолкования» (Бибихин, 2013: 14). Данный прием мысли характерен для Биbihина. Часто этот приём обращается в сторону критики (как в случае первой лекции данного курса) или в курсе «Собственность», где речь идёт о приватизации, которая непременно повторится, поскольку никто не разобрался с собственностью: «Или то идейное и поэтическое обобществление собственности, в которое была втянута страна, наизусть учившая новые коллективные нормы, не задевало собственного существа страны, человека? И непонятым, незадетым оно остается и теперь, когда в обратном движении поспешная „приватизация“ прежней общественной собственности, нарочитое до злорадства растаптывание коллективистской идеологии, абсурдный „капитализм“, снова самоубийственно беззаботный в отношении собственных отцов, родителей, пенсионеров, которых бросили нищенствовать, показывает, что и новая „частная“ собственность тоже будет понята неверно и рухнет?» (Бибихин, 2012: 96–97) В других ситуациях этот же самый приём служит для утверждающих целей, как в случае с важными вещами, которые невозможно определить: «Я бы сказал так: не берите голыми руками такие вещи, как мир, целое, полнота, центр, глубина, слово, логос, они очень горячие. И совесть, и софия. Я, поверьте и проверьте, их никогда не беру не подумав сначала. Но как глупость или хуже, демагогия, на них опираться, так мне кажутся порсятками в соломенном доме те, кто обрадовался, что никаких этих метафизических вещей нет. Нечему радоваться. Они могут и так, и без того, чтобы им быть. А то, что их нет, делает их абсолютно неприступными. Небытия, господя, нет, абсолютно нет, ну никак нет — об этом нас предупредил раз навсегда Парменид» (там же: 191). Ср. рассуждение о том, что у науки нет определения числа, она его обходит — единицу, единое, бытие, — и поэтому наука, обходя бытие, достигает своих «успехов» (Бибихин, 2007: 23–26).

от стандартных толкований, и мы неожиданно оказываемся в теме видимого / невидимого, показанного / скрытого, участника / свидетеля; тема права в России начинает прочитываться как герменевтика позиции маркиза де Кюстина, оставившего нам свои записи про путешествие в Россию⁵. Таким образом, уже с самого начала курс «выходит из-под контроля» стандартов и становится полностью авторским.

Курс «История современной философии» имеет подзаголовок «Единство философской мысли». Именно таковым был проект Биbihина, и, на наш взгляд, он не был полностью в этом курсе выдержан: начиная с девятой лекции (посвященной Шопенгауэру) он прерывается. В чем заключался этот проект? В центре всей современной философии в данном курсе стоит фигура Гегеля (как сторонники, так и оппоненты философской позиции Биbihина чаще всего говорят о *хайдеггерианстве*, но никто даже из самых рьяных как почитателей, так и противников ни разу не высказался о том, что Биbihин — скрытый *гегельянец*). Мы не имеем возможности увидеть Гегеля как событие, определившее и продолжающее определять современность постольку, поскольку всё вокруг заполнено его интерпретациями⁶ и «отзвуками»: «Мы подходим к явлению Гегеля, двигаясь от его отзвуков» (Биbihин, 2014: 26). Вся современная философия — это отклонение, срыв, побег от события философии Гегеля (там же: 24):

Вообще отклониться от крупной мысли к её интерпретациям не просто легко, это, если не сопротивляться, неизбежно. С приблизившимися к Гегелю происходило то, что с металлом около сильного магнита: человека странным образом *вело*, гегелевский вызов не оставлял тех, кто его расслышал, в покое, бросал в крайности.

В чем именно был вызов философии Гегеля, с которым не справилась современность и от которого она, таким образом, теперь находится в негативной зависимости вплоть до сегодняшнего дня? На фоне всех

⁵ Следует добавить, что в этом курсе — как более нигде — Биbihин делает упор на раннюю отечественную историю, разбирает тексты рукописей, фиксируя употребление слова «Русь» не как государства, или местности, или народа, но как определённого *образа жизни*.

⁶ Ср.: «Отменяя „частную собственность“ по Марксу в ленинском изложении, они [российские большевики] не искали ни источник теории в чистом неискаженном виде у Гегеля, ни даже ее пока еще социально не опасную популяризацию у Прудона. „Пейте воду из первоисточников“ — такую рекламу я еще слышал в моей молодости, но не сейчас, когда многим ближе например марксистские мотивы у Жака Деррида, чем их гегелевский первоисточник» (Биbihин, 2014: 24).

ужасов Французской революции, которым следовать «никто в Европе уже не смог»⁷, гегелевская мысль,

прокатившаяся по всей Европе, была санкцией *любой* самой смелой революционной практики и одновременно радостным, экстагическим *принятием* всей действительности, с христианством, личной свободой, традиционным общественным строем, с монархией. Как такое стало возможно, остается до сих пор непонятным (Бибихин, 2014: 27).

Французская революция, показавшая «пример крайней смелости в переустройстве общества» (там же: 24), начала с исключения неугодного (Бибихин на той же странице дает перечисление: «якобинство, террор, реакция, враг народа, термидор»), применяя для этого *любые* меры. То есть она стала событием исключения *любой* ценой без малейшего оттенка *принятия* всей действительности. На консервативную позицию принятия всего безо всякого изменения общество уже не готово было возвращаться. Как раз на этом фоне событие мысли Гегеля дает уникальное совпадение: любые изменения при полном принятии всей действительности. С этого начинается современность в философии, и событие этого начала неповторимо в последующей мысли: «Одновременное отрицание и принятие действительности никому после Гегеля уже не удалось» (там же: 28). Таким образом, вся современная философия может быть охарактеризована как нечто *меньшее* по отношению к Гегелю, как находящееся от последнего в негативной зависимости — каких бы вопросов она ни касалась и к каким бы методам ни прибегала; вся наша практика, в свою очередь, обречена на занятие двух крайних позиций без всякого возможного синтеза между ними: либо позиция *любого* самого смелого революционного *исключения* всего, с чем мы не согласны, либо позиция *принятия* всего происходящего как должного, граничащая с безразличием. Насколько можно судить по первым лекциям этого курса, Бибихин намеревался провести эту зависимость от события мысли Гегеля до самого конца, завершая Деррида и Делёзом. Однако по каким-то, вероятно, внешним причинам, данный замысел едва доходит до девятой лекции, после чего курс встает на достаточно стандартные для подобных курсов рельсы (биография, работы, идеи). При этом напомним, что к Гегелю Бибихин в целом остается достаточно

⁷Ср.: «Следовать революционному примеру с тем же размахом по-настоящему никто в Европе уже не смог. Она [Французская революция] показала страшное нечеловеческое лицо. У всех, как то было у молодого Гегеля, впечатление от революции шаталось от восхищения до ужаса» (Бибихин, 2014: 26).

равнодушным — он здесь привлекает его не потому, что Гегель ему близок, но потому что *в действительности событие мысли Гегеля определяет облик современности*, нравится нам это или же нет.

2. ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ МЫСЛИ ВЛАДИМИРА БИБИХИНА В НАЧАЛЕ ЛЕКЦИОННЫХ КУРСОВ

Уже на примере этих двух курсов можно убедиться в том, что Бибихин, даже обращаясь к «учебниковым» темам, формирует в них свое собственное предметное поле. Ограничиваясь рамками статьи, мы не можем далее уделять такое же внимание каждому из имеющихся курсов, а потому сконцентрируемся на основных приемах мысли Владимира Бибихина, которыми он формирует проблемное поле своих сугубо авторских курсов. Под *приемами мысли* здесь ни в коем случае не следует понимать некоторые свойственные Бибихину (и имеющиеся у каждого у нас) *привычки мысли*; если последние «экономят» мысль, уводя её от напряжения и внимания, то *приемы*, напротив, включаются исключительно намеренно и в нужный для этого момент и служат формированию *предметного поля* лекционного курса. Обращаем внимание на то, что данные приемы ни в коем случае не могут быть сведены к тому, что понимается под «основными идеями» того или иного мыслителя, и тем более они никак не характеризуют то, что можно было бы назвать «содержанием философии» Бибихина.

Наша гипотеза состоит в том, что подобные приемы у Бибихина актуализируются именно на первых лекциях во всю силу; в течение последующих лекций любого из курсов они также продолжают применяться, но не в таком явном виде. Кроме того, в рамках первой лекции каждого из курсов Бибихин заостряет их действие, доводя его до предела, что наблюдается гораздо реже в середине и завершении курсов, где авторская мысль позволяет себе неспешный и внимательный разбор предмета, приближающийся к тому, как Мераб Мамардашвили определял философию, — к «мышлению вслух». При этом мы отдаем себе отчет как в субъективности выделения количества и содержания этих приемов, так и в способе их описания. Не претендуя, таким образом, на полноту изложения, остановимся на четырех из них.

А. СОВМЕЩЕНИЕ СМЫСЛОВ ПОВСЕДНЕВНОГО ЯЗЫКА: АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ПОДХОД

Если философы Нового времени и отчасти немецкой классической философии (вплоть до попытки возрождения великих систем в проекте

феноменологии Гуссерля) начинали свои размышления с разоблачения различных предпосылок и условностей, которые могли бы изначально настроить поиск истины на ложный след или вовсе сделать путь к истине непроходимым, то Биbihин в этом смысле делает прямо противоположную вещь. Подобно тому как это делал Аристотель (и лишь отчасти Хайдеггер), Биbihин демонстрирует, что никаких иных, особых «философских», специально «научных» слов у философии, кроме тех, которыми мы выговариваем себя в повседневном обиходе с другими, не существует⁸. Это вовсе не значит, что философия не может претендовать на собственные значения в используемых словах и смыслах; скорее речь идёт о самих тех вещах, на которые все — как философские, так и обыденные — значения нацелены.

Какая интуиция в отношении, с одной стороны, устройства речи и мирового логоса — с другой, может тут предполагаться? Ответить на это в рамках статьи не представляется возможным, но что касается общей характеристики подобного приема, то можно предположить: такой прием применяется, когда успех процедуры редукции, совершаемой по отношению к обыденному сознанию («естественной установке» по Гуссерлю), объявляется совершенно беспочвенным⁹. Не в моих силах приостановить действие того, как «обычно говорят и думают»; более того, мне буквально *некуда* было бы деться, если бы таковой отказ оказался возможным. Да и представлять себе, что ребёнок, у которого внезапно отобрали возможность играть в любимые игры, тут же утратил навыки игры в них и обрёл навыки игры в другие, новые, научные, — достаточно странно; обращающийся с языком всегда уже (апериористический перфект Хайдеггера) опытом этого самого обращения сформирован — не окончательно, но достаточно, чтобы представлять себе, что с этой формой можно обращаться по собственному хотению и произволу измышленных приемов¹⁰.

⁸На этот прием в мысли Аристотеля обращает внимание и Алексей Черняков. Затронув вопрос о благоразумии в «Никомаховой этике» Аристотеля, Черняков делает оговорку: «Как обычно, Аристотель занимается в связи с исследуемым предметом „анализом естественного языка“ и обсуждает различные коннотации благоразумия: εὐβουλία, σύνεσις, εὐσυνεσία, γνῶμη и т. д.» (Черняков, 2001: 250)

⁹Специальному изложению и критике гуссерлевой «редукции» у Биbihина посвящён отдельный разбор в Биbihин, 2014: 333–338.

¹⁰Ср. об энергии: «Энергия, которую мы назвали, — не „понятие“ энергии, не „определение“ энергии, не история концепции, не что-то из истории философских учений. Мы хотим иметь дело с самой энергией. Наше дело энергия. Но как так — *хотим* иметь дело? Энергия сама и есть дело, она давно уже делает свое дело в нас, в деле, которым мы

Аристотель всегда начинает с того, в каких значениях и контекстах встречается интересующая его вещь. Особенно очевидно это на примере разбора категорий в «Категориях», а также на примере четвертой книги «Метафизики», которую в силу её особого устройства можно назвать «Словарём». Бибахин поступает аналогичным образом, но с той лишь разницей, что он не фиксирует (как это делает Аристотель) значения под номерами: «во-первых, во-вторых, в-третьих». В любом случае никаких иных значений, кроме того, как они уже бытийствуют, фигурируют и действуют в наших словах и мыслях, нам взять для философии неоткуда — ей остается внимательно вслушиваться в них и, как любит говорить Бибахин, разбирать завалы всегда уже готовых смыслов.

Ограничиваясь тезисной формой изложения, мы можем проиллюстрировать данный прием мысли Бибахина первой лекцией курса «Энергия» (Бибахин, 2010: 9–32), в которой Бибахин последовательно формирует пространство разговора об энергии ближайшими повседневными, «первыми» значениями использования этого слова: «энергичное функционирование», «убыль энергии (тепловая смерть)», «электроэнергия», «тепловая и световая энергия (Солнца)», «не хватает энергии / энергию некуда девать», «энергетика и добыча нефти», «энергия как цель», «энергия как средство», «состояние подъёма», «энергия как сила», «полнота и расцвет», «осуществление и счастье». И это ещё неполный перечень.

При отчетливом наличии этого приема у Бибахина не следует думать, что он на этом останавливается или строит курс лекций на основании синтеза повседневных значений в направлении некоего «мечтательного единства»¹¹ или перебора подобных «первых» значений¹². Подобно

захвачены. Энергию не нужно определять, чтобы она была; не нужно даже искать ее; она *есть* и задела нас давно, задействует нас» (Бибахин, 2010: 16).

¹¹Ср. по поводу отношения революционеров к собственности в одноимённом курсе: «Экспериментируя, сознание революционеров надеется, что частное, обособленное превратится в целое. Можно уверенно сказать, что новые экспериментаторы с собственностью обмануты словом и заняты исключительно грамматическим упражнением, сведением двух разных до противоположности смыслов собственности в мечтательное единство» (Бибахин, 2012: 378–379).

¹²«Когда мы решаем думать, говорить направленно о чем-то таком, что было и раньше, но участвовало в нашей жизни, как в ней вообще участвуют очень многие незамечаемые и полужамчаемые вещи, над чем мы особенно не задумывались, — это называется на философском языке тематизацией. Мы *тематизируем* энергию, делаем ее *темой*, кладем ее в наше внимание. Мы как будто бы проснулись и вот заметили, что давно связаны в разнообразные и сложные отношения с энергией, — захватывающие, рискованные, трудные, опасные, может быть, уже сейчас безвыходные. Казалось бы, раз открылось такое богатое поле исследований, то думай, формулируй, осмысливай. В нем много всего,

оперной увертюре, эти значения намечают поле дальнейшего разговора и, нисколько его не определяя и не загоняя в жёсткие рамки, не навязывают своей «логики». Тем не менее все эти мотивы, прозвучавшие в первой лекции, будут звучать и далее. Напоминаем, что всё, сказанное только что по поводу курса «Энергия», который был взят нами лишь в качестве иллюстрации, распространяется и на другие лекционные курсы Бибихина. То же самое относится и к нижеследующим приёмам.

Б. СТОЛКНОВЕНИЕ КРАЙНИХ ПОЗИЦИЙ: «ДИАЛЕКТИКА» БЕЗ СНЯТИЯ

Когда Бибихин следует за «первыми», повседневными значениями истомой вещи, он отнюдь не руководствуется методом простого перебора того, что «удалось вспомнить», или пробегом по вольным ассоциациям. Уже на этом этапе им осуществляется серьёзная работа деструкции готовых смыслов, в которые мы в своей повседневности «срываемся» или, если угодно, на которые мы без лишних раздумий готовы полагаться. Все эти «первые» значения обыденного языка являются застывшим результатом некоторых ходов мысли, иногда хранящих мудрость языка, а иногда — нашу мыслительную лень (как в этом последнем случае не вспомнить о принципе экономии мышления у Маха и Авенариуса?). Однако Бибихин, даже имея дело с готовыми формулами, осознавая их ограниченность (что показывает дальнейший его разбор в лекциях), не стремится сходу их отрицать. Привычки (не)мысли пользоваться готовыми формулами настолько сильны, что если сказать слушателям на первой лекции: «Вы привыкли думать так, но отныне так не думайте» — то при всем усердии и благих устремлениях подобная просьба не возьмёт успеха. Вместо критики Бибихин направляет свою мысль в соответствии с тем настроением, которое требует от нас разбираемая формула естественного языка (например: «энергия это цель, всё ради неё» или «энергия — это средство, поскольку она нам нужна, чтобы жить»), следует вместе со слушателями в том направлении, куда эта формула ведёт. Бибихин доводит эти формулы до логического тупика; тупик этот находится всегда недалеко, поскольку обычно к этим формулам прибегают, чтобы как раз не думать, «решиться» не размышляя, «понять» не вникая. Для размышления они как раз не годятся,

и современного, и будущего (футурология), и прошлого. Но это был бы наивный промах, показывающий, что к философии мы на самом деле имеем немного отношения, — т. е. если бы так в простоте души разбежались „с ковшом на брагу“, говорить об энергии» (Бибихин, 2010: 34).

и поэтому буквально два-три шага достаточно, чтобы увидеть их тупиковость. Иногда Бибахину даже не хочется этого делать, тогда он сообщает «по аналогии» о тупике заранее: «Энергия — сила: это еще не определение, потому что силу мы потом незаметно определим как энергию» (Бибахин, 2010: 26).

Но демонстрацией тупиковости готовых формул дело не заканчивается, ведь конечная цель — это не лишение людей готовых результатов (чьей-то) мысли, но побуждение к самостоятельной мысли. От тупика той или иной формулы Бибахин следует в противоположном направлении¹³: если мысль никуда не приводит (какой бы удобной и знакомой, родной и уютной она для нас бы ни была), то следует дойти до её начала, истока — и увидеть: может быть, с этим истоком что-то не так?

Но прежде чем пройти этот путь до конца (чего в первых лекциях фактически не случается), Бибахин *косвенно* указывает на исток посредством приведения формулы, прямо противоположной по отношению к исходной: если мы уперлись в тавтологию формулы «энергия — это средство», то, может быть, «энергия — это цель»? Примирить эти позиции на уровне разбора готовых формул не представляется возможным, так же как и найти компромисс через цитирование поговорок «под лежащий камень вода не течёт» и «вода камень точит» (Бибахин, 2012: 325):

Когда мы приходим в мир, то видим сразу правое-левое и другие пары, увидеть то единое, *εν*, которым они выброшены, мы никогда не успеваем, принципиально. Для него нет имени, оно «четно-нечетное»¹⁴.

Таким образом, столкновение этих противоположных мнений, выражаемых готовыми формулами обыденного сознания, задаёт направление, в котором мысль может и должна двигаться. При этом, если тупиковость этих формул можно продемонстрировать, то разобраться

¹³В дальнейших лекциях Бибахин редко прибегает к этому приёму. Ср. из третьей лекции курса «Энергия»: «Мы решили не идти путём эффективных поляризаций...» (Бибахин, 2010: 52)

¹⁴И по тому же поводу далее: «Наши, собственно кантовские, гераклитовские и пифагорейские, примеры с правым-левым, мужским-женским, ночью-днем, — непостижимостью, неуловимостью того одного, *εν*, к которому явно ведь сводится правое-левое, но что увертывается от рассмотрения, сразу вывертывается снова в правое-левое, — будем, не впадая в догматизм поздних пифагорейцев, над которым смеялся Аристотель, помнить, что это только примеры; что для самого Пифагора перебор таких примеров был, по Аристотелю, неважен, важно было, что отстраненность, странность проходит через всё. — Введем это слово странность как термин, толкование-перевод гераклитовского *κεχωρισμένον*; софии» (Бибахин, 2012: 336–337).

с их истоком не так-то просто. Сам *факт их пребывания и существования в языке* не может быть проигнорирован или сходу отвергнут: даже если мы используем «ошибочные» выражения и результаты мысли, то само их *использование* является частью нашего бытия. Дело не в том, что эти формулы предлагаются нам на наш свободный выбор или произвол; проблема в том, что сам исток (начало) их порождения всегда уже нас захватил и мы ему подвластны¹⁵.

Таким образом, перед нами столкновение противоположностей, но не устремляющееся вперёд, к своему *Aufhebung*. И опять же перед нами явно не адорновская «негативная диалектика», заведомо избегающая синтеза как идеологически неприемлемого и конструируемого системой продукта. Бибихин выявляет противоположность любых противоречащих друг другу пар готовых формул (не)мысли для того, чтобы они, представая перед нами во всех их всевластии и тупиковости, указывали на свой собственный исток, ставя перед мыслью задачу быть¹⁶.

В. ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КРУГ: ВЕРЕТЕНО ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Итак, перед нами намеченное поле «первых», иногда даже (ошибочно) кажется, что чисто ассоциативных, случайных значений и несовместимых между собой контекстов звучания последних. Противопоставление, о котором мы говорили только что, является первым доступным способом их систематизации и сближения. Сами эти противоположности

¹⁵Ср. о якобы противоположных трезвости и опьянении в первой лекции курса «Пора»: «Впервые теперь темой становится не а-пория, непроходимость, а пора, отмыкание запертого, открытие хода в сплошной стене непроходимости, которую видит со всех сторон вокруг обычная человеческая зоркость, когда она разрешает себе быть трезвой, увлекается трезвением, — трезвением можно увлечься также как опьянением или даже больше. Я беру пьянство и трезвение не психологически и социально, а как способы видения, мира, или аспекты мира. Они полярные и как полярные не несовместимые, а наоборот принадлежащие друг другу: трезвение доходит до опьянения трезвением, когда мир увиден в его жесткой такости, скрывающей *tathāta, so-sēin*; и наоборот, есть пьянство до трезвости, такое было у Венедикта Ерофеева, когда опьянение открывается как единственная и сплошная, всегдашняя истина мира» (Бибихин, 2015: 8).

¹⁶В иных ситуациях вместо выявления и столкновения готовых смыслов обыденного словоупотребления и привычек (не)мысли Бибихин применяет иной приём, который можно было бы назвать масштабированием. Иногда, как в случае с микро- и макрокосмом в первой лекции курса «Мир» (Бибихин, 2007: 7–11), то, что можно было бы принять за масштабирование, является на самом деле уже описанным нами столкновением противоположностей, поскольку макро- и микро- позиционируются именно через «наоборот»: «может быть не так, а, наоборот, вот так?»; само это «наоборот» как раз свидетельствует о столкновении противоположностей.

доведены до предела и указывают на свой общий исток. Но *обнаружение* истока сталкиваемых противоположностей чаще всего оказывается невозможным либо в силу нехватки времени и специальной задачи первой, вводной лекции (закрывающейся в формировании проблемного поля, координат *присутствия* предмета обсуждения — именно присутствия, но не обязательно *нахождения*); либо в силу того обстоятельства, что исток этих противоположностей искать вовсе и не следует; либо потому, что исток принципиально ненаходим и «он может и так, без того, чтобы быть». Само перечисление «первых» смыслов хотя и значительно, но всё же конечно; кроме того, далеко не все «первые» смыслы интересующей нас темы курса имеют свои противоположности. Таким образом, все эти парные, противопоставленные и одиночные, «первые» значения, будучи набросанными самым первым, стремительным вихрем первой лекции, представляли бы собой набор действительно случайных и ничего в своей совокупности не говорящих значений, если бы не третий приём, который мы условно можем назвать *закручиванием в герменевтический круг*.

Есть все основания предполагать: то, что для слушателей курса и читателей лекций предстаёт в виде *закручивания в круг*, на деле — для самого автора — является ничем иным, как виртуозным распутыванием уже готовой, целой темы. Однако в силу особенностей ситуации, в которой находятся слушатели и зрители, описываемый нами сейчас процесс выглядит для последних именно как *скручивание* (подобное действию жнеца, который из разрозненных стеблей формирует аккуратный, плотный, целостный сноп).

Г. ГРАНИЦЫ СОБИРАНИЯ ТЕКСТА: КОМПОЗИЦИЯ ТЕМЫ

Следующий прием совсем не похож на предыдущие, хотя полностью их задействует, и, возможно, в строгом смысле уже приёмом и не является. Мы здесь лишь наметим общие контуры затрагиваемой проблемы. Тексты лекций Биbihина особенно сложны для адаптации их изложения в дидактических целях. Связана эта сложность, как нам кажется, с особым стилем изложения, целенаправленно избранным их автором: Биbihин будто бы намеренно ускользает от любых попыток «зацементировать» его мысль в форму тезисов или окончательных положений, даже если последняя попытка предпринимается исключительно в ознакомительно-педагогических целях перед аудиторией, с его мыслью до этого ни разу не сталкивавшейся.

Если мы захотим условно разделить одну из первых лекций практически любого лекционного курса на смысловые блоки (не обязательно совпадающие с абзацами текста), то перед нами возникнет несколько сложных вопросов — особенно по поводу соотношения этих блоков между собой в пределах единой композиции.

Достаточно легко выделяются уже описанные нами «первые» значения, легко объединяемые со своими противоположностями; не доставит больших трудностей и выделение значений, не имеющих собственных противоположностей, но вполне себе вписывающихся в мыслимое перечисление (в духе Аристотеля): «во-первых, во-вторых, в-третьих». Однако такой набор базовых блоков достаточно ограничен (выше в качестве примера мы привели дюжину подобных «первых» значений из курса «Энергия»), и он не исчерпывает всей лекции, которая, как и всякое достойное целое, куда больше суммы своих частей. Дело ещё усложняется тем, что даже уже выделенные и схваченные мыслью базовые блоки, «первые» значения могут *внезапно* появляться в тексте вновь — в рамках всё той же лекции (или позже). К примеру, в первой лекции той же «Энергии» Биbihин как минимум три раза вводит вопрос: энергия — это цель или средство? Разобрав его по всем вариантам (энергия — средство, энергия — цель, энергия — ни то, ни это), он *сам вопрос* не отпускает.

Если мы попытаемся для себя схематизировать текст лекции (в целях конспектирования, например), то нам необходимо будет либо опустить подобные «повторы» (они не несут никакой «новой информации»), либо поместить их в куда более крупные смысловые блоки. Однако с *определением границ* последних, а также *связей между ними* как раз и возникает интересующая нас проблема.

В зависимости от того, как мы проведём границы между ближайшими смысловыми блоками, мы поймем не только *композицию* интересующей нас лекции, но и *тематическое поле* целого курса. Если подобные границы будут проводиться слишком часто, то мы будем лишены возможности усмотреть как *композицию* лекции, так и *тематическое поле* курса; если же, напротив, мы чрезвычайно «укрупним» текст, то мы также утратим надежду на понимание всех нюансов мысли, его составляющих. На самом деле речь идёт о той работе по собиранию текста, которую мы вынуждены проделывать по отношению к каждому автору, однако в случае Биbihина особенность подобной сборки заключается в том, что автор чаще всего никак нам не помогает, не оставляет ни явных указателей, ни тонких намёков. Задача собирания текста Биbihина в целом, таким образом, нагружает читателя полной, чересчур полной

ответственностью (если задаться вопросом «почему так происходит?», то можно предположить: иногда потому, что Биbihин сам берёт подобную ответственность на себя, иногда потому, что он *искренне* не готов брать на себя решение тех вопросов, которые чаще всего уже «решили нас самих»¹⁷). По сути дела, мы говорим о том «молчании» мысли Биbihина, которое легко и скоро заполняется привычкой читателя скользить по строкам текста. Подобные переходы заставляют читателя либо терять нить изложения (а она тут действительно — на первый и поспешный взгляд — будто бы обрывается), либо наполнять эту «несостыковку» резкого перехода своими собственными домыслами и тем самым нагромождать на уже выведенные Биbihиним «первые» значения свои собственные, читательские, «вторые». Читательская привычка заставляет рассматривать любое изменение в теме текста — выделенное переходом абзаца или нет — либо как продвижение в первоначально заданном направлении (ещё один шаг вперёд), либо как объясняющее некоторые трудности отступление (углубление темы). Но такие переходы, о которых мы говорим, не оправдывают подобных ожиданий в любом случае. По виду мы имеем трактатную, монографическую форму слитного повествования, а на деле — некоторые фрагментарные наброски, которые появляются в изложении Биbihина не потому, что Владимир Вениаминович не знает, «чем» заполнить разрывы между ними, а потому, что само действие мысли Биbihина именно здесь проходит своеобразную и весьма интенсивную «точку бифуркации», осуществляя выбор того ландшафта, разворачиванием которого чаще всего первая лекция любого биbihинского авторского курса и занимается.

Подобный *стиль фиксации мысли*, привлекающий наше внимание к намеренным лакунам между фрагментами текста, мы встречаем в подавляющем множестве работ не только Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера (начиная с 1930-х гг.), но и «позднего» Василия Розанова,

¹⁷Ср. из первой лекции курса «Чтение философии» о теме курса: «...лучшее, более надежное название того, чем нам хотелось бы заняться (чем-то живым), не дается нам не потому, что нам не дали работать, а потому, что наша растерянность настоящая, причина для растерянности такая большая, что растерянность была бы и при очень хороших условиях работы (иначе — было бы плохо, уверенность перед этим океаном), и даже если бы у нас была хорошая философская школа, хорошая философская библиотека, время достаточно для занятия только философией и больше ничем» (Биbihин, 2009: 11). Ср. также о толковании субстрата в курсе «Лес»: «Мне для этого смелости пока не хватает, кроме того, даже если я решу, что я понял это место окончательно, я не буду знать, что с этим пониманием делать» (Биbihин, 2011: 86).

творчество которого оказало столь решающее (стилистическое) воздействие на мысль Бибихина.

3. ВЫВОД: ГИПОТЕЗА О НЕЖЕЛАНИИ «ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ»

Не вызывает сомнения тот факт, что Бибихин прибегает к каждому из этих трудно формализуемых приемов, исходя из целостного видения того или другого предметного поля каждого конкретного курса: скажем, приемы в «Лесе» выполняют одну задачу, а те же самые приемы в «Языке философии» — совершенно иную. В связи с этим обстоятельством любая формализация мысли Бибихина, не ухватывающая конкретику герменевтической ситуации, всегда будет оказываться условной и до определенной степени неэффективной. Выделить какой-либо «общий» мотив мысли Бибихина, распространяющийся на все его лекционные курсы независимо от проблематики каждого конкретного, в таких условиях не представляется возможным. Поэтому в завершение нашего краткого анализа мы хотели бы предложить одну гипотезу, которая могла бы послужить чем-то вроде общего введения в изучение лекций Бибихина, при этом не претендуя на возможность удержания таковой при углубленном изучении последних.

Все выявленные и только ещё подлежащие выявлению приемы мысли Бибихина могут быть поняты как своеобразный (в хорошем смысле) риторический ход, побуждающий читательское внимание ни в коем случае не останавливаться на первом (или втором, третьем и т. д.) схваченном смысле. Нашему вниманию свойственно активироваться в непонятной ситуации лишь до тех пор, пока оно не редуцирует непонятное и неизвестное к знакомому и свойскому (не путать со «своим, собственным»). Или, говоря иначе, читателю присуще активное желание «определиться», остановившись на знакомом ему выводе, отсекая всё «лишнее», кажущееся непонятным. Эта установка, питаемая вполне понятной платонической тягой подобного к подобному, для дела мысли, впрочем, может оказаться губительной. Бибихин применяет свои приемы для того, чтобы мысль читателя не определялась, беспокоилась, оказывалась в ситуации некомфортной нищеты, «на свалке». Только беспокойство мысли, которое не следует путать с нездоровым активизмом «дельцов», даёт мысли возможность обрести «своё, собственное», оказаться в родной ей стихии.

С другой стороны, там, где мы заранее не желаем с чем-либо определяться, там, где нам неинтересно и безразлично, Бибихиным выставляется принцип, согласно которому дело, которым занята мысль, уже

нас задело. Против безразличия в лекциях Бибихина задействуется императив априористического перфекта Хайдеггера: мы всегда уже опоздали к тому, чтобы позволить себе быть безразличными, неинтересность происходящего — это лишь эффект, которым оно нас повернуло к себе. И как раз этого поворота за подобным эффектом мы увидеть не способны, но, вместо того чтобы порождать безразличие, данная ситуация должна была бы разжечь наше личное любопытство и мыслительное беспокойство, которые ничего не имеют общего с корыстными интересами и деловитой суетой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибихин В. В.* Мир. — СПб. : Наука, 2007. — (Слово о сущем ; 77).
- Бибихин В. В.* Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009. — (Слово о сущем ; 83).
- Бибихин В. В.* Энергия / сост. О. Е. Лебедевой ; примеч. О. Е. Лебедевой. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибихин В. В.* Собственность. Философия своего / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Бибихин В. В.* История современной философии : единство философской мысли. — СПб. : Владимир Даль, 2014. — (Слово о сущем ; 106).
- Бибихин В. В.* Пора (время-бытие). — СПб. : Владимир Даль, 2015. — (Слово о сущем ; 113).
- Черняков А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.

Bogatov, M. A. 2021. "Tematizatsiya lektсионnykh kursov: strategii mysli V. Bibikhina [Thematization of Lecture Courses: V. Bibikhin's Strategies of Thought]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 107–125.

MIKHAIL BOGATOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

SARATOV STATE UNIVERSITY (SARATOV, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-2831-918X

THEMATIZATION OF LECTURE COURSES: V. BIBIKHIN'S STRATEGIES OF THOUGHT

Submitted: Dec. 24, 2020. Reviewed: Feb. 15, 2021. Accepted: Feb. 25, 2021.

Abstract: This article is devoted to the main methods of thought that Vladimir Bibikhin uses to form the subject field of his lecture courses. The focus is on four such techniques: the combination of the meanings of everyday language (Aristotelian approach), the clash of extreme positions (dialectics without synthesis), the hermeneutic circle, as well as the boundaries of text collection (Bibikhin's moments of silence). At the very beginning of the article, the author analyzes the most "traditional" lecture courses of Vladimir Bibikhin (such as "Philosophy of Law" and "History of Modern Philosophy"), demonstrating their non-standard composition and thematization. The techniques revealed are the result of the practice of "slow reading" of Bibikhin's lectures. There are four main methods: combining the meanings of everyday language (1), the collision of extreme positions (2), the circular, hermeneutic structure of the lecture (3), the composition of the main blocks of thought in abrupt transitions, in silence (4). Bibikhin seeks to suspend the viewer's desire to "define", to recognize the familiar in the unfamiliar. At the same time, Bibikhin carefully leads his reader and listener between, on the one hand, the businesslike vanity of thinking and, on the other hand, complete indifference and disinterest. As the main principle for avoiding these extremes, Heidegger's "a priori perfect" is put forward, according to which everything "always has already happened", and therefore the thought is forced to deal with being late to the event of the world.

Keywords: Vladimir Bibikhin, Lecture Courses, Methods of Thought, Hermeneutics, Silence, Reading.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-107-125.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 2007. *Mir [The World]* [in Russian]. Slovo o sushchem 77. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Chteniye filosofii [Reading of Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Energiya [The Energy]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Annot. by O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012. *Sobstvennost'. Filosofiya svoeyego [Ownership. Philosophy of the Own]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2014. *Istoriya sovremennoy filosofii [The History of Modern Philosophy]: yedinstvo filosofskoy mysli [The Uniformity of Philosophical Thought]* [in Russian]. Slovo o sushchem 106. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2015. *Pora (vremya-bytiye) [(It's) Time (Time-Being)]* [in Russian]. Slovo o sushchem 113. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Chernyakov, A. G. 2001. *Ontologiya vremeni. Bytiye i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaydeggera [The Ontology of Time. Being and Time in Aristotle, Husserl and Heidegger]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.